

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТУВЫ: Образование Тувинской Народной Республики (1921-1944 гг.)

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2011-01-28 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: М.В., Монгуш メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00001047

Советской Россией идея о самоопределении Тувы стала для нее средством достижения цели — не допустить усиления позиций Китая вблизи своих границ и одновременно обрести самостоятельность, опираясь на помощь российской стороны. «В силу создавшихся предпосылок и сложившихся исторических тенденций, — пишет Ю. Ч. Хомушку, — интересы России и Тувы оказались направленными друг на друга. Обе стороны руководствовались не столько «бескорыстным чувством пролетарской солидарности» (как было принято считать до недавнего времени), сколько преследовали определенные государственные, политические и экономические интересы» (2002:11). Тува добивалась образования суверенного государства, а Россия стремилась обеспечить возможность сохранения и укрепления своих позиций в Туве.

3. Образование Тувинской Народной Республики (1921 — 1944 гг.)

В середине 1921 г. как международное, так и внутреннее положение Тувы требовало решения вопроса о самоопределении. В Советской России к тому времени завершилась гражданская война. Вся ее территория, кроме Дальнего Востока, была очищена от интервентов и внутренней контрреволюции. В соседней с Тувой Монголии под руководством народно-революционной партии и при активной помощи частей Красной Армии успешно завершалась борьба с унгерновскими войсками. В Туве были разгромлены интервенты и белогвардейские подразделения. Для защиты от возможного вторжения остатков унгеровцев из Западной Монголии в крае находились части Красной Армии и объединенный партизанский отряд.

Несмотря на революционные события и национально-освободительное движение в крае, тувинским населением по-прежнему продолжали управлять нояны, государственная машина старой феодальной власти не была сломлена окончательно. Однако теперь, в новых условиях, власть прежних феодалов и чиновников была расшатана и ослаблена. Тувинские амбын-нояны, которые ранее управляли несколькими кожуунами края, в годы революции, по существу, сложили с себя полномочия. Институт амбын-ноянства, таким образом, был изжит (История Тувы 1964:78-80).

В июне 1921 г. в центре западных кожуунов — Чадане — состоялось совещание с представителями двух хемчикских кожуунов, Даа и Бейсэ, где проживало большинство тувинского народа. На нем был поставлен вопрос о национальном самоопределении тувинцев. Совещание вынесло следующее постановление: «Мы, представители двух хемчикских кожуунов, находим, что единственным, самым верным и лучшим путем

дальнейшей жизни нашего народа будет именно путь достижения полной самостоятельности нашей страны. Решение вопроса о самостоятельности Урянхая в окончательной форме мы переносим на будущий общий урянхайский съезд, где будем настаивать на нашем теперешнем постановлении. Представителя Советской России просим поддержать нас на этом съезде в нашем желании о самоопределении» (РФ ТИГИ, д.42, л.313).

Между тем в советском руководстве обсуждалось три возможных варианта будущего развития Тувы: 1) включения последней в состав РСФСР. Однако возникшие аналогии с действиями царского правительства сделали его неприемлимым для советского руководства; 2) объединение Тувы и Монголии в одно государство, что фактически означает «передачу» Тувы китайским революционерам. Целесообразность этого варианта состояла в том, что Китай рассматривался как сфера возможного распространения социалистической революции; 3) создание независимого Тувинского государства. Последний вариант, по мнению советского руководства, был наиболее приемлимым в сложившейся исторической обстановке. Чтобы избежать обвинений в экспансионизме со стороны Китая и одновременно сохранить влияние там, правительство Советской России отказалось от включения Тувы в состав РСФСР (Хомушку 2002:11).

В августе 1921 г. в местности Суг-Бажы собрался Всетувинский Учредительный Хурал представителей всех кожуунов Тувы, на котором присутствовали также делегация Советской России и представители Дальневосточного секретариата Коминтерна в Монголии. Число представителей тувинских кожуунов составляло около 300 человек, причем свыше 200 из них были аратами.

На повестке дня Учредительного Хурала основными были вопросы о самоопределении Тувы, о Конституции, об укреплении дружественных отношений с народами России и Монголии. Всетувинский Хурал принял историческую резолюцию о создании самостоятельного тувинского государства. «Народная Республика Танну-Тува, — говорилось в резолюции Хурала, — является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством свободного народа, в международных же отношениях Республика Танну-Тува действует под покровительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». На второй день заседания была провозглашена независимая Республика Танну-Тува. Столицей республики был объявлен город Кызыл, до этого именовавшийся Белоцарском.

Учредительный Хурал утвердил Конституцию Народной Республики

Танну-Тыва, состоявшей из 22 статей, в которых четко излагались завоевания революции и законодательно закреплялось образование республики. Советское правительство направило через народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина обращение к тувинскому народу, в котором говорилось: «В настоящее время, когда рабочие и крестьяне России свергли ненавистное деспотическое царское правительство и совершенно отстранили от власти царских чиновников, рабоче-крестьянское правительство России, выражающее волю трудящихся масс, торжественно объявляет, что отнюдь не рассматривает Урянхайский край как свою территорию и никаких видов на него не имеет» (История Тувы 1964:78-80). Признавая самостоятельность Тувинской Народной Республики, советское правительство гарантировало всестороннюю экономическую и культурную помощь в ее дальнейшем развитии. В связи с этими событиями некоторые современные исследователи опровергают принятую в исторической литературе концепцию о сущности Тувинской национально-освободительной революции 1921 г., приведшей к созданию ТНР. На основе имеющихся источников, они показывают, что создание ТНР было вовсе не следствием так называемой национально-освободительной революции, а результатом политического развития событий в России после Октябрьской революции 1917 г.

Перед первым тувинским правительством встала чрезвычайно сложная задача расформирования тувинского общества в политической, экономической, культурной областях, решение которой исключительно силами республики было трудновыполнимо. СССР, имевший демократические традиции и мощный экономический потенциал, а также значительно укрепивший свои позиции в регионе, рассматривался тувинским правительством как основной партнер в экономическом и политическом сотрудничестве. В силу этих причин ни Китай, ни Монголия не могли открыто выступать против Советского государства, хотя от желания «иметь при себе Туву» не отказались.

Противоборство трех государств за влияние в Туве не прекратилось, а приняло принципиально новые формы. Интересы СССР и Китая столкнулись в сфере экономики, они вели борьбу за господство на тувинском рынке. Расширение и углубление взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между СССР и ТНР способствовало не только вытеснению с тувинского рынка китайского частного торгового капитала и закреплению советского влияния в Туве, но и упрочению экономического положения самой Тувинской республики (Хомушку 2002:12).

Совершенно иначе обстояло дело с Монголией. Она после

национально-освободительной революции, подобно ТНР, развивалась под сильным влиянием СССР и при его непосредственной поддержке. Тактика монгольского руководства сводилась не к открытому противоборству с СССР, а к попыткам добиться согласия со стороны Советов на включение ТНР в состав Монгольской Народной Республики. Однако для СССР в сложившихся условиях было выгодно сохранение независимого статуса молодой Тувинской республики, так как это позволяло ему обеспечить буфер на конкретном участке советской границы. Исходя из этих соображений Москва на тувинско-монгольско-советской конференции, состоявшейся в 1924 г., категорически высказалась против включения Тувы в состав монгольского государства и настояла на сохранении ее независимого статуса, чем собственно и пресекла панмонголистские устремления (там же:12).

Победа национально-освободительной революции и образование Тувинской Народной Республики ознаменовали переход от феодализма к некапиталистическому пути развития.

В феврале 1922 г. вместо первого правительства — Центрального Совета был создан Совет Министров ТНР, состоявший из четырех министерств: иностранных, внутренних, военных дел и юстиции. В конце 1922 г. было образовано министерство финансов. Позднее министерство военных дел было расформировано, его функции переданы министерству внутренних дел.

Создание министерств обеспечивало лучшую организацию деятельности правительства и местных органов власти. На министерство внутренних дел возлагались функции общественной и государственной безопасности страны, охрана государственных границ, а также руководство делами народного просвещения и здравоохранения. В распоряжении этого министерства находился военный отряд, образованный в конце 1921 г. Министерство финансов, помимо финансовых дел, занималось и вопросами народного хозяйства и торговли. Создание министерства юстиции способствовало дальнейшему улучшению судопроизводства в республике (История Тувы 1964:95).

В целях успешного завершения антифеодальных задач национально-освободительной революции и развития общества по социалистическому пути весной 1922 г. в Туране была создана Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), избран ее Центральный комитет и принят временный Устав.

Параллельно с тувинцами реформированием своих структур занималось и русское население Тувы: в феврале 1922 г. их краевой ревком был преобразован в исполнительный комитет Русской

самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), а местные ревкомы — в сельские Советы. 12 февраля того же года между правительством ТНР и исполкомом РСТК был заключен договор, которым определялось правовое положение русского населения в Туве.

Существование РСТК в течение более десяти лет сыграло исключительно важную роль в истории ТНР: выполняя указания Советского правительства, исполком РСТК помогал передавать новым органам власти Тувы опыт советского государственного строительства. При этом между органами РСТК и ТНР не было существенных политических различий. Некоторые несущественные различия заключались лишь в том, что демократические органы управления ТНР — народные Хуралы являлись типами крестьянских Советов, осуществлявших власть трудящихся аратов, а Советы РСТК — органами диктатуры пролетариата, основанными на союзе рабочих с трудовым крестьянством. По мере развития ТНР по некапиталистическому пути к социализму это различие между ними постепенно исчезло.

Особенности кадровой политики

До революции в Туве не было светских образовательных школ, следовательно, и системы народного образования. Существовали только монастырские школы, в которых получили образование почти все представители первых трех составов тувинского правительства. Например, первый Председатель Совмина ТНР Монгуш Буян-Бадыргы, сын правителя Хемчикского кожууна Хайдыпа, был учеником известного монгольского ламы Оксала Уржута. Впоследствии он занимал руководящие посты в высших эшелонах власти: был Генеральным секретарем ЦК ТНРП, министром иностранных дел ТНР. Позже возглавил свой собственный кооператив. По мнению некоторых ученых, Буян-Бадыргы был первым национальным, профессиональным политиком Тувы, которому удалось на протяжении многих лет успешно отстаивать ее интересы на международной арене. Он лучше других представителей тувинской аристократии ориентировался в быстро меняющейся геополитической ситуации; был одним из первых, кто понял, что решающую роль в регионе будет играть Советская Россия. (Москаленко 2002:380-384). Второй Председатель Совмина Куулар Дондук получил образование в Монголии, имел ученую степень кешпи (тиб. *геше*), был одним из ведущих лам Верхнечаданского хурэ. Третий Председатель Совмина Сат Чурмит-дажы учился в Верхнечаданском хурэ, где его обучал вышеупомянутый лама Оскал Уржут. Председатель Госбанка ТНР Оюн Танчай тоже имел монастырское образование.

Многие другие чиновники периода ТНР также были выходцами из ламской среды (ЦГА РТ, ф. 689, оп.1, д.1, л.14-15, 19-22; д.2, л.29, 36-37; Хомушку 1998:71-72). Именно под их руководством осуществлялись мероприятия по социальному, экономическому и культурному преобразованию ТНР. Вопрос о роли ламской элиты в тувинской государственности в 1920 - 1930-х годах довольно подробно рассматривается в работе Н. П. Москаленко. По ее мнению, привлечение представителей феодально-теократических кругов для государственного управления на первоначальном этапе истории ТНР было не политической ошибкой, как считали некоторые авторы, а весьма продуманной мерой новых властей, руководимых Советской Россией. Ибо она позволила в условиях почти всеобщей неграмотности опереться на образованных лам и создать предпосылки для подготовки новой партийно-государственной элиты из числа «революционно настроенных» тувинских аратов, которые обучались по специальной целевой программе в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве (2000:16).

Выпускниками КУТВа были такие политические деятели Тувы, как С.К.Тока (секретарь ЦК ТНРП), С.Т.Чымба (Председатель Совмина ТНР), Х.Базыр-Сат (секретарь ЦК ТНРП по пропаганде и агитации), О.Тадар-оол (министр животноводства и земледелия ТНР), Н.Ч.Товариштай (министр внутренних дел ТНР), М.Маады (секретарь ЦК Тувинского революционного союза молодежи) (Харунова 2003:89).

Почти вся политическая элита Тувы получала образование в учебных заведениях СССР и это обстоятельство не могло не оказать влияния на формирование и развитие политической системы в молодой республике. О том, насколько успешно осуществлялась внешняя политика СССР, свидетельствуют впечатления австрийского ученого О. Менхен-Хельфена, посетившего Туву в 1929 г., о тувинских студентах, обучавшихся в КУТВе в Москве: «Сотни юных восточников — якуты, монголы, тувинцы, узбеки, корейцы, афганцы, персы воспитываются там в продолжение трех лет для того, чтобы у себя на родине взорвать все старое. В три года шаманисты становятся атеистами, поклонники Будды — поклонниками трактора. Эти славные ребята со скудным знанием русского языка, начиненные боевыми словами и лозунгами, настроенные столь же фанатично, как это требовалось от миссионеров, получают задачу продвинуть своих соотечественников в XXI столетие» (1931:32).

Создание тувинской письменности

История создания тувинской национальной письменности неоднократно привлекала внимание ученых и на сегодняшний день она

достаточно хорошо освещена, поэтому мы пунктиром обозначим лишь ее основные вехи.

Известно, что изначально существовало несколько вариантов тувинской письменности на основе латинизированного алфавита. Одним из тех, кто занимался ее составлением, был известный лама Верхнечаданского хурэ Лопсан Чимит. На одном из заседаний ЦК Политбюро ТНРП в 1929 г. специальным постановлением на него была возложена ответственность за эту работу, а Министерству иностранных дел ТНР поручен контроль за ее исполнением. Однако вскоре на VIII съезде ТНРП в ноябре 1929 г. официально прозвучало: «... составление письменности ламой считать совершенно недопустимым как с моральной точки зрения, так и с политической» (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.263, л.1-2; д.456, л.67; д.465, л.37; д.615, л.9; д.675, л.5; д.906, л.4). На этом же съезде была принята резолюция: «Исходя из того, что выработка родной письменности и ее усовершенствование продлится ряд лет, и считаясь с тем, что изучение монгольского языка и письменности представляет для тувинцев большие трудности, в силу отсталости и некультурности монгольского языка и письменности – признать необходимым ввести во всех школах преподавание русского языка, являющегося наиболее культурным по сравнению с монгольским и открывающим доступ к подготовке квалифицированных кадров» (Кужугет 2003:195).

Впоследствии Лопсан Чимит был репрессирован, но его проект все же получил достаточно полное освещение в литературе, о нем в частности писали А.А.Пальмбах, Х.С.Алдын-оол, Б.К.Салчак, Н.А.Сердобов, Ю.Л.Аранчын, Ш.Ч.Сат, М.Х.Маннай-оол (Татаринцев 2003:291).

Другой проект тувинской письменности на основе латинизированного алфавита был составлен при участии тюркского кабинета Института языка и мышления АН СССР, комиссии по прикладной лингвистике Научно-исследовательской ассоциации национальных и колониальных проблем (НИАНКП) и кафедры родных языков КУТВа (Хомушку 2002:14). Одним из его активных разработчиков был в ту пору еще малоизвестный молодой тюрколог А.А.Пальмбах; его соратниками были известные языковеды Е.Д.Поливанов и Н.Н.Поппе. Судьбы двух последних сложились весьма драматично: первый стал жертвой массовых репрессий, на имя второго по политическим мотивам был наложен многолетний запрет (Татаринцев 2003:290-291). Однако труд их не пропал даром, предложенные ими проекты легли в основу тувинской национальной письменности, которая была официально введена декретом правительства ТНР 28 июня 1930 г. Это событие, по существу, положило начало победному шествию тувинского языка, отодвинув монгольский на второй

план.

Между тем, позиции монгольского языка в Туве до введения тувинской письменности были весьма сильны; он считался языком официального общения, особенно с представителями других государств. А. Б. Адрианов, например, пишет, что большинство лам, чиновников и богатых людей из числа тувинцев хорошо говорит по-монгольски, и встречаясь с ним, они никогда не разговаривали на своем языке, а только на монгольском (1886:193). Б. Я. Владимирцов назвал монгольский язык «орудием взаимного общения» между тувинцами и монголами, в результате чего тувинский язык по количеству монгольских заимствований стал выделяться среди других языков тюркской группы (1929:15). Эта особенность, безусловно, явилась не только следствием длительного и тесного общения тувинцев и их исторических предков с монгольскими племенами и народами, но и отражением общей геополитической ситуации в регионе до освоения его русскими. В период господства маньчжурской династии детей тувинцев, принадлежащих к феодальной верхушке, отправляли в Монголию, в частности, в Улясутай, где они проходили подготовку по делам государственного правления и, именно с этой целью, изучали монгольский язык и письменность (Исхаков, Пальмбах 1961:30; Порре 1965:161). М. И. Черемисина отмечает, что еще в начале XX в. деловые бумаги в Туве писались только старомонгольским вертикальным письмом (1992:4-5). Знание монгольского языка в значительной степени сохранялось среди тувинцев, особенно лам, и позднее, уже в первые годы существования ТНР. Анкетные данные лам-делегатов буддийского съезда, состоявшегося в Кызыле в 1928 г., показали, что около половины из них свободно владели монгольским, в то время как тибетский язык знали всего несколько человек (Татаринцев 1976:7).

Весьма тонкое наблюдение оставил П. Маслов, посетивший Туву в начале 1930-х годов: «Тувинцы считают Монголию своей старшей сестрой. Молодежь ездит в Улан-Батор учиться, кончить партийную школу в Улан-Баторе для тувинских ревкомольцев считалось честью, которой удостаивались лишь немногие избранные. Отсюда несколько почтительное отношение к Монголии. Правда, введение тувинской письменности «значительно поколебало гегемонию монгольской культуры в Туве» (1933:18).

Состоявшийся в апреле 1941 г. XII внеочередной съезд ТНРП принял новую Программу партии, в которой указывалось, что она идеологически базируется на теории марксизма-ленинизма, ставит своей конечной целью построение социалистического общества и руководствуется на практике социалистическим строительством СССР. При этом подчеркивалось, что

только органическая связь с Советским Союзом обеспечит успешное политическое, экономическое и культурное развитие Тувы на пути к социализму.

На этом же съезде было принято историческое решение о национальной письменности. Чтобы закрепить исторически сложившуюся связь тувинского языка с русским и сблизить тувинскую письменность с письменностями народов Советского Союза, съезд постановил перевести ее с латинизированного алфавита на кириллицу, т.е. русский. Постановлением ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР от 8 июля 1941 г. был утвержден новый алфавит на основе русского, разработанный группой советских ученых под научным руководством А.А.Пальмбах. Ю. Ч. Хомушку отмечает: «Непосредственное участие в создании, распространении и совершенствовании тувинской национальной письменности советских востоковедов-тюркологов имело огромное морально-психологическое влияние на тувинцев. В сознании многих возможность читать и писать на родном языке прочно ассоциировалась с образом советского ученого-просветителя и педагога. Создание и распространение тувинской письменности дало толчок развитию национальной художественной литературы, периодической печати, книгоиздательству. Литература и пресса стали одним из наиболее мощных орудий влияния левых. Тематика книг, газет и журналов оказывали серьезное влияние на идеологическую ориентацию тувинских аратов» (2002:15). Перевод тувинской письменности на русский алфавит открыл для тувинцев также возможность изучения русского языка, как языка межнационального общения в СССР и в значительной степени способствовал сближению тувинского народа с народами Советского Союза и, прежде всего, с русским.

Вслед за введением письменности получила развитие и система народного образования, которая, как и следовало ожидать, строилась по образцу советской школы, т.е. на принципах всеобщего советского обучения детей школьного возраста, без различия национальной, религиозной, классовой и половой принадлежности. Развитие системы народного образования в Туве происходило при непосредственной и всесторонней поддержке Советского Союза (ссуды на строительство школ-интернатов, помощь в составлении учебников и школьных программ, подготовка педагогических кадров и т. п.) (там же:14). С 1942-1943 уч. г. во всех школах республики было введено обязательное изучение русского языка. Школы ТНР призывались в будущем обеспечить партийный госаппарат кадрами, которые были бы способны свободно вступать в общение с советскими гражданами и совместно с ними претворять в

жизнь принципы социалистического строительства.

Секуляризационные процессы

Характерной особенностью периода ТНР стала секуляризация, то есть высвобождение из-под влияния религии различных сторон и уровней общественного сознания и бытия, выразившееся в массовом уничтожении монастырских комплексов и преследовании представителей сангхи, в освобождении различных общественных институтов и правовых отношений от контроля религиозных организаций, что отразилось в законодательных актах ТНР, в смене традиционного мировоззрения масс марксистско-ленинским. Все это происходило скачкообразно и довольно драматично.

Первой конституцией ТНР устанавливалась свобода вероисповедания. Буддийская сангха лишалась своего прежнего руководящего положения в политической жизни страны, а представители ее низших слоев, имевшие личное хозяйство, уравнивались в правах и обязанностях с остальными гражданами. Но вместе с тем высшие слои сангхи и монастырские хозяйства освобождались от несения государственных повинностей и налогов. В этих условиях монастыри как самостоятельные хозяйственные единицы, владевшие своим имуществом, земельными угодьями, скотом, пастбищами и крепостными работниками, продолжали функционировать, более того, число их увеличилось. Если до революции в Туве было 22 монастырских комплекса, то позже были построены новые хурэ Дагылган (1922) и Инек-Даш (1925) в Каа-Хемском кожууне; Эргине-Булак (1922), Межегей (1923) и Чагытай (1926) в Тандинском кожууне; Тарлашкын (1922), Торгат (1925) и Баир-нур (1925) в Эрзинском кожууне и Сарыг-Булун (1926) в Барун-Хемчикском кожууне (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.244, л.4; д. 252, л.5; д.1803, л.35, 227; РФ ТИГИ, д.56, л.29).

Летом 1924 г. советник советского посольства в Туве П. Медведев посоветовал руководителям ТНРП взять решительный курс на изживание религии как пережитка прошлого. Однако это предложение было корректно отвергнуто Буяном-Бадыргой и его соратниками под тем предлогом, что буддизм является неотъемлемой частью тувинской культуры и образа жизни, поэтому крайние меры в этом деликатном вопросе не могут быть допущены. В подобном подходе проявлялась лояльность политика ТНРП по отношению к религии (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.122, л.13-14).

На одном из заседаний ЦК ТНРП, состоявшемся в декабре 1924 г., рассматривался вопрос о состоянии буддийской религии и мерах по улучшению ее положения. Для решения этого вопроса были приглашены представители 15 хурэ, среди которых были шесть кешпи, три хелина,

один даа-лама, остальные – рядовые ламы. На заседание пригласили также советника советского посольства П.Медведева и секретаря районного бюро РКП(б) И.Чугунова.

В результате коллегиального обсуждения были вынесены следующие решения. Во-первых, в целях оздоровления и очищения рядов сангхи запретить молодым ламам вступать в брак. На старых и женатых лам это требование не распространялось. Во-вторых, лам, употребляющих спиртные напитки и ведущих не соответствующий их сану образ жизни, подвергать либо штрафу в размере 30 лан серебра, либо тюремному заключению сроком на 30 суток. В-третьих, хуураков, сбежавших из хурэ, возвращать обратно и вести с ними разъяснительную работу; ежегодно в каждом хурэ проводить небольшой набор новых послушников. В-четвертых, ремонт старых хурэ осуществлять за счет самих верующих; сбор средств с населения для этой цели производить через бадарчы, т.е. бродячих лам (ЦАДПОО, ф.1. оп.1, д.124, л.65-68).

Очень важным событием в духовной жизни тувинского народа стал Всетувинский съезд лам, состоявшийся весной 1928 г. в Кызыле, в работе которого приняли участие не только представители сангхи, но и известные члены правительства и ЦК ТНРП. Последнее обстоятельство ярко раскрывает специфику политической ситуации, царившей в то время в Туве.

В 1927 г., т.е. за год до созыва съезда, на одном из заседаний Совета Министров ТНР впервые серьезно заговорили о роли и положении буддизма в обществе, о проблемах тувинской сангхи. С докладом по этому вопросу выступил Председатель Совмина Куулар Дондук. В его речи прозвучали слова, которые можно считать ключевыми для понимания обстановки того периода: «В настоящее время мы, тувинский народ, являемся свободной республикой, но в силу некоторых обстоятельств и принятой нами Конституции, где говорится, церковь отделяется от государства и религия объявляется частным делом каждого гражданина, значительная часть населения как бы отделена и находится почти вне закона» (РФ ТИГИ, д.11, л.144). Такая постановка вопроса стала поводом для созыва буддийского съезда. С этой целью была создана специальная комиссия в составе Председателя Совмина Дондука, сотрудника Управления государственного военно-политического отдела (УГВПО) Нацова (настоящая фамилия Шойжелов – М.М.), заместителя председателя Инспекции Шагдыра, Генерального секретаря ЦК ТНРП Соднама, члена ЦК Ревсомола Цахара и сотрудника МВД Шыырапа, на которую возлагалась ответственность за подготовительную работу, т.е. сбор сведений о положении сангхи, монастырей и их хозяйств, утверждение

состава делегатов будущего съезда и т.д.

Съезд открылся вечером 8 марта в здании Тувинского клуба. Для участия в работе съезда прибыли 33 ламы-делегата, представляющие все хурэ Тувы. Из них 12 имели ученую степень кешпи, 9 были ламами-лекарями, 5 – ламами-астрологами. Владели монгольским разговорным языком – 16 человек, монгольским письменным – 7, читали по-тибетски – 33, тибетским разговорным владел 1 человек.

Возрастной состав участников съезда выглядел следующим образом: от 20 до 30 лет – 4 человека, от 31 до 40 лет – 15, от 51 до 60 лет – 14; подавляющее большинство, 30 человек, были неженатыми. Имущественное положение лам было следующим: от 1 до 10 бодо (1 голова крупнорогатого скота или 10 голов овец или коз) имели 14 человек, от 11 до 20 – 8, от 21 до 50 - всего 6 человек. Остальные имели личный скот, который держали на выпасе у своих родственников.

Национальный состав делегатов съезда был однородным, за исключением двух лам-монголов (РФ ТИГИ, д.11. л.144). В качестве почетных гостей были приглашены известные деятели буддизма из Тибета, Монголии, Бурятии и Калмыкии. Тибетский буддизм представлял Агван Доржиев, монгольский – Бадма Гарба, бурятский – Мункужапов, калмыцкий – Тенжин. Агван Доржиев (1854-1938) был известен немалыми заслугами в распространении буддизма в России и строительством под руководством Далай-ламы XIII Тубтена Гьятцо буддийского храма Гунзэнчойнэй в Санкт-Петербурге в 1915 г.

Иностранные гости были избраны в почетный президиум, куда вошли также три представителя Тувы: Цультим Пунцук от Чаа-Хольского хурэ (он же был избран председателем съезда), Сивен от Верхнечаданского хурэ и Шойжап от Эрзинского хурэ. В секретариат съезда были избраны лама Шойдон, Генеральный секретарь ЦК РСМ Шагдыржап, член правительства ТНР Тумен Баир и сотрудник УГВПО Нацов.

Съезд открыл Генеральный секретарь ЦК ТНРП Соднам. В своем докладе он подчеркнул: «Сегодня перед нами встал вопрос о религии. Мы все знаем, что религию нужно сделать чистой, эта задача лежит на делегатах данного съезда» (РФ ТИГИ. д.11, с.146). Таким образом, основным вопросом, обсуждаемым на съезде, стал вопрос обновления религии, перестройки ее в соответствии с происходившими в стране политическими изменениями, поиск путей взаимодействия государства и сангхи, сотрудничество между ними в вопросах воспитания и образования, сохранения национальных традиций и обычаев.

В докладах многих участников съезда звучала мысль о том, что интеллектуальный и морально-нравственный уровень тувинской сангхи

оставляет желать лучшего, поэтому съезд должен был «дать всему правильное направление, разрешить вопрос о правильном понимании, что такое религия, ее задачи. Очистить религию от ненужного мусора и сделать ее более прогрессивной». В своем докладе лама Сивен сделал акцент на том, что «хотя ламы приняли обет желтой религии, они не соблюдают его, так как имеют связи с женщинами и девицами, пьют вино, курят табак, торгуют, обманывают, занимаются воровством и поступают в несколько раз хуже, чем миряне». Несоответствие между поведением значительной части сангхи и теми нравственными принципами, которые они должны были проповедовать и прежде всего соблюдать сами, вызвала серьезную обеспокоенность у ламского руководства. Отмечались также участвовавшие случаи самовольного ухода лам из хурэ, в связи с чем съезд постановил воспретить свободную отлучку лам и хуукраков из хурэ, а лиц, желающих снять с себя монашеский сан, впредь подвергать тюремному заключению сроком до двух месяцев или штрафу до 35 лан серебра в месяц (там же:146, 211, 213).О.М.Хомушку считает, что данный документ, регламентирующий внутреннее положение монастырей, являлся отражением двойственной ситуации, в которой находились в то время монастыри. С одной стороны, они по-прежнему играли довольно значительную роль в социально-экономической жизни Тувы, оставаясь крупными частными собственниками, с другой – уже утратили прежнее политическое влияние, поэтому были вынуждены для решения своих внутренних вопросов прибегать к помощи светских властей (1998:77).

Представители высших слоев сангхи были весьма озабочены проблемами преемственности, воспитания и обучения молодежи в хурэ. В выступлениях делегатов съезда неоднократно звучала мысль, что основной задачей монастырей является обучение подрастающего поколения в духе буддийской традиции, для чего необходима поддержка со стороны правительства. Таким образом, наряду с установками на воспитание будущих представителей буддизма, были даны ориентиры и по вопросам нравственного воспитания молодежи, которое тогда связывалось с возможностью сохранения и приумножения основ буддийского вероучения (там же:76).

На съезде также впервые на официальном уровне были сформулированы идеи, касающиеся вопросов религиозной догматики. Так, в частности, в речи одного из делегатов прозвучало, что «Учение Будды и учение Маркса и Ленина между собой тождественны, поскольку речь здесь идет прежде всего о человеке». В подобном подходе присутствовала готовность представителей сангхи к диалогу с правительством и желание выработать совместно с ним систему

общечеловеческих ценностей. Однако эти идеи в дальнейшем не получили поддержки и остались нереализованными.

Критической оценке была подвергнута антиправительственная деятельность сангхи. В одном из докладов говорилось, что «имеются случаи, когда ламство вставляло палки в колеса и в экономическую жизнь населения в Туве». Осуждая попытки сангхи вмешиваться в политическую жизнь страны, съезд четко определил положение представителей сангхи как духовных наставников и не более, давая понять им, что они уже не имеют того монопольного влияния на все сферы функционирования общества. Это, естественно, вызвало со стороны сангхи вопрос, не отделяются ли таким образом ламы от государства, на который последовал ответ: «Отделение церкви от государства – это один вопрос, а отделение лам – другой. Ламы – люди тувинской национальности и считаются тувинскими гражданами, и говорить об их отделении не приходится» (РФ ТИГИ, д.11, л.143). Эти слова принадлежали бывшему ламе, а затем председателю Совмина ТНР Куулару Дондуку; в них явственно выражается позиция руководящих партийных органов, которые еще не взяли курс на отмежевание от религии, объявляя ее «пережитком прошлого», от которого надо избавляться (Хомушку 1998:77).

Первый Всетувинский буддийский съезд стал, безусловно, знаменательным событием, показавшим, во-первых, что существует возможность взаимодействия сангхи и государства, во-вторых, что сангха готова к сотрудничеству с правительством по вопросам, связанным с воспитанием и образованием подрастающего поколения, сохранением духовных традиций и обычаев. Но эти намерения так и не были востребованы в дальнейшем, хотя, как считает О.М.Хомушку, именно в это время возможность консолидации светской и духовной власти была вполне реальной. По ее мнению, одной из причин столь быстрого разрушения всего буддийского комплекса в Туве было отсутствие института перерожденцев – хутухт, хуулганов, гэгэнов и, как следствие этого, отсутствие четко регламентированной церковной организации и единого буддийского центра в стране (1998:45, 81).

Оценивая события того времени, не следует упускать из виду крайнюю противоречивость сложившейся ситуации. Два месяца спустя после буддийского съезда (в мае 1928 г) Малым Хуралом ТНР был принят закон, подтверждающий свободу вероисповедания, но вместе с тем ограничивающий деятельность религиозных организаций. «Правительство, разрешая учиться священному писанию, - говорилось в нем, - требует в каждом отдельном случае испрашивать особое на это разрешение, докладывая о причинах, влияющих на это желание» (ЦГА РТ, ф.92, оп.1,

д.352, л.14). Такая формулировка уже подразумевала регламентацию тех или иных проявлений религиозности граждан.

Однако в начале 1930-х годов произошел поворот к жестким репрессивным мерам против представителей феодального сословия и сангхи. Курс на это был дан январским Пленумом ЦК ТНРП 1929 г., после которого Президиумом Малого Хурала было принято постановление, согласно которому монастыри лишались своей собственности, сангха — поддержки органов народной власти и прав юридического лица, бывшие феодалы объявлялись неблагонадежными гражданами своей страны (Ширшин 1972:85).

Позже последовал указ, запрещающий обучать несовершеннолетних религиозным трактатам как индивидуально, так и в группе. Родителям и буддийским монахам запрещалось привлекать их к мероприятиям религиозного характера (ЦГА РТ, ф.92, оп.1, д. 352, л.2). Согласно постановлению Президиума Малого Хурала от 19 февраля 1930 г., обучение в монастырских школах разрешалось только тем, кто достиг 18 лет. Таким образом, возможность получать духовное образование фактически была сведена к минимуму. Вместо него стали появляться так называемые народные школы, которые работали по принципу «овладев грамотой, помоги своему соседу». Благодаря им за сравнительно короткий срок грамотность среди взрослого населения возросла до 40 процентов (История Тувы 1964:177). Детей бывших лам и феодалов принимали в такие школы в очень ограниченном количестве (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.290, л.15).

В октябре 1930 г. в Кызыле открылся VII Великий Хурал ТНР, на котором была принята новая четвертая Конституция республики, отражавшая вступление страны на социалистический путь развития. По ней избирательных прав лишались ламы, шаманы и прочие служители культа, для которых это занятие являлось профессией. При этом шаманы не рассматривались как злейшие враги трудовых братрацко-бедняцких и середняцких аратских масс, поскольку в основной своей массе они были выходцами из народа и не представляли собой серьезную политическую оппозицию народно-революционной власти. Поэтому борьба с ними чаще всего ограничивалась конфискацией шаманских атрибутов и запретом проводить шаманские камлания (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.784, л.6). Не отмечены также случаи вступления шаманов в ряды ТНРП, как это наблюдалось среди бывших представителей феодально-теократической прослойки (РФ ТИГИ, д.1122, л.30).

Несколько иначе поступали с ламами. Одной из своих основных задач партия считала борьбу с сангхой. Буддийские монастыри

рассматривались как трибуны, откуда ламы могут провозглашать свои реакционные идеи (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.290, л.116; д.784, л.5). Во многих партийных документах того времени встречались установки следующего характера: «если ламы чрезмерно усердствуют, не считаясь с духом нового времени, то они должны быть привлечены к ответственности». Ламам запрещалось носить монашескую одежду, проводить религиозные мероприятия без специального письменного разрешения местных органов власти, иметь учеников-послушников из числа несовершеннолетних и т. д. (ЦГА РТ, ф.92, оп.1, д.29, л.14; ф. 144, оп.2, д.138, л.19; ЦАДПОО, ф, оп.1, д.290, л.83; д.401, л.8). Лам, которые не соглашались с решением властей, ссылали в другие кожууны. И наконец, был наложен запрет на проведение традиционных обрядов, связанных с культом природы, в которых обычно принимали участие ламы и шаманы. Запретили также праздновать традиционный Новый год по лунному календарю — Шагаа. Вместо старых праздников стали вводить новые, имеющие иную идейную окраску.

Под давлением сверху стали закрываться многие монастыри, а ламы разезжались по своим аалам. Так, в Дзун-Хемчикском (бывшем Даа) кожууне действовало два крупных и, пожалуй, наиболее влиятельных на тот период хурэ, Нижнечаданский (осн. в 1878 г) и Верхнечаданский (осн. в 1907 г). Если в 1929 г. в обоих монастырях жили и занимались культово-обрядовой практикой 350 лам, то в 1930 г., т.е. год спустя после принятия специального постановления, их осталось всего 36, в 1931 г. — 3, а в 1932 г. уже не было ни одного ламы. Численность лам в других монастырях также стала резко сокращаться. В Эрзинской и Тес-Хемском кожуунах, где традиционно всегда была самая многочисленная сангха, в 1934 г. насчитывалось всего 129 лам; в 1936 г. их число уменьшилось до 77. Если на рубеже 1929-1930 гг. в Туве было 2200 лам, то к 1936 г. их осталось всего 594 (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.1397, л.22-25; д.784, л.5; д.1362, л.3).

Ожесточенная борьба велась и с тибетской медициной, которая рассматривалась как неотъемлемая часть буддийской культуры. Известно, что до революции в Туве широко практиковались народные методы лечения, накопленные эмпирическим путем; лечение с использованием культово-обрядовой практики, основанной на вере в существование вредоносных духов и другие мистические силы; и, наконец, смешанная форма, сочетающая народные методы и магические обряды и ритуалы. Функции врачевания в равной мере принадлежали как ламам, так и шаманам. Первые лечили больных средствами растительного и животного происхождения, а также молитвами и специальными обрядовыми и

ритуальными действиями, вторые – камланием.

В 1926 г. в Кызыле существовала только одна тибетская больница на 13 коек, которая не могла удовлетворить потребность населения в медицинской помощи. Кроме того, ощущался острый дефицит квалифицированных лам-медиков. Поэтому неудивительно, что состояние здоровья тувинцев в начале XX в. было удручающим, среди них «свирипевствовали туберкулез, сифилис и другие болезни... Заболеваемость чесоткой составляла свыше 30-35 процентов». Часто встречались сибирская язва, пораженность гельминтами. Региональной патологией были бруцеллез, эхинококкоз и другие болезни, передающиеся через животных (Липанов 1950:30).

В 1928 г. Наркомздрав РСФСР по просьбе ЦК ТНРП и правительства ТНР командировал в Туву медико-санитарную экспедицию, в задачу которой входили: популяризация принципов советской европейской медицины; оказание квалифицированной бесплатной медицинской помощи; разработка и проведение мероприятий, направленных на оздоровление тувинского населения; обследование санитарно-бытовых условий жизни тувинцев; санитарное просвещение масс. В 1928-1931 гг. благодаря советской помощи тувинское правительство приступило к строительству первых больниц (Шабаев 1975:22-23). Вскоре во всех крупных населенных пунктах открылись небольшие лечебницы, появились родильные дома, регулярно осуществлялась поставка медикаментов из России, местные юноши и девушки отправлялись на учебу в медицинские учебные заведения Советского Союза. Все эти мероприятия способствовали десакрализации сферы народного здравоохранения, в результате чего положительный опыт тибетской медицины, накопленный тысячелетиями, отвергался на основании абсурдных доводов типа «настоящим революционером может стать только тот, кто, отвергая тибетскую медицину, расстался с жизнью, а кто, прибегая к ее помощи, остался жив, должен принять на себя пятно позора и его надо с проклятием выставить из партии» (Хомушку 1998:85). Поражает то, что высказывания подобного рода брали верх над разумными доводами, которые высказывались отдельными членами ТНРП: «тибетская медицина имеет неоспоримые факты излечения некоторых болезней, не излечимых средствами европейской медицины» (РФ ТИГИ, д.11, л.6). Отсутствие здравого смысла в действиях тех, от кого зависела судьба народа, - это, пожалуй, одна из ярких черт того времени.

Вслед за этими мерами последовало ужесточение режима, волна репрессий прокатилась по всей Туве. В рядах ТНРП и в высших эшелонах власти началась активная чистка, которая по мере осуществления набирала

все больший размах. За приверженность буддизму, за соблюдение религиозных обрядов семейно-бытового характера со своих должностей были сняты посол Тувы в Монголии Шагдыр и его секретарь Дирчинчап. Положение последнего осложнялось еще и тем, что он был сыном известного ламы. Вместо них послом назначили Оюна Карсыга, секретарем – Куру-Базыра (ЦАДПОО, ф.1, оп1, д.682, л.91-92).

В это время в Туве состоялся ряд громких судебных процессов над отдельными представителями сангхи и бывшими членами тувинского правительства. Были репрессированы первый и последний камбы-лама Верхнечаданского хурэ Ондар Чамзы, составитель одного из вариантов тувинской письменности лама Лопсан Чимит.

ТНР и СССР: процесс интеграции

За 20-летнее существование Тувинская Народная Республика сделала большие шаги на пути сближения с Советским Союзом. Победа социализма в СССР, содружество 15 союзных республик, входивших в его состав, глобальные преобразования в политической и социально-экономической жизни страны явились огромной притягательной силой, побудившей тувинский народ к присоединению к СССР. По существу, это было объективным, исторически обусловленным процессом, который достаточно широко декларировался в литературе.

В эти годы в Туве наметились некоторые позитивные перемены. Так, улучшение условий жизни, повышение материального благосостояния, развитие здравоохранения привели к росту численности тувинского населения с 64,9 тыс. человек в 1930 г. до 81,1 тыс. в 1944 г., а общая численность в стране за это время возросла с 82,2 тыс. до 95,4 тыс. человек (История Тувы 1964:233). Большинство кожуунных и сумонных центров республики стали оседлыми населенными пунктами. Количество жителей административного и хозяйственно-культурного центра республики — Кызыла — за 30 лет увеличилось более чем в 10 раз.

Однако, несмотря на эти успехи, темпы развития экономики и культуры и внутренние возможности ТНР были далеко недостаточны для ускоренного осуществления социалистической реконструкции народного хозяйства и образа жизни. Страна в экономическом и культурном отношении продолжала оставаться далеко позади тех национальных областей и республик, которые вошли в состав Советского Союза намного раньше.

Еще до начала Великой Отечественной войны, 26 апреля 1941 г., ЦК ТНРП и правительство Тувинской Народной Республики, выражая интересы тувинского народа, обратились в ЦК ВКП (б) и в Президиум

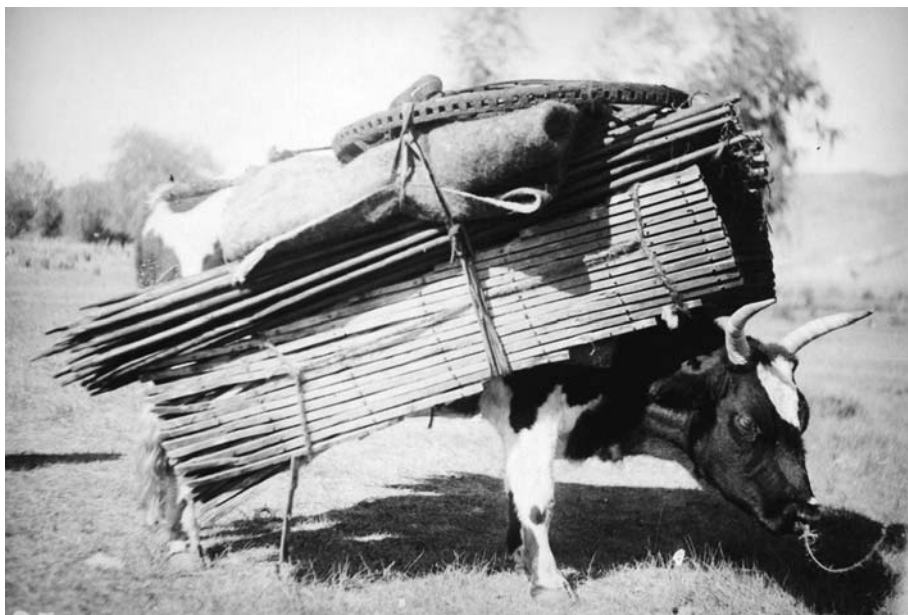
Верховного Совета СССР с просьбой принять тувинский народ в состав СССР. Но в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз и началом Отечественной войны практическое решение этого вопроса было отложено.

Бедный аал. Начало XX века.

Весенняя страда. 1930-е годы.

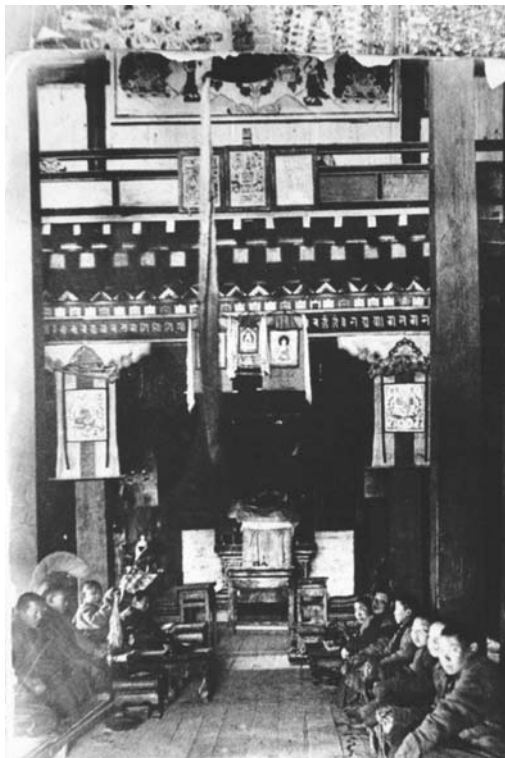
Перевозка юрты. Начало XX века.

Сборка юрты.

Самагалтайский хурэ. 1920-е годы.

Служба в Нижнечаданском храме, 1910 г.

Сбор пушнины для оплаты налога. Цинский период.

Чум оленевода-тоджинца. Музейный экспонат.

Вакцинация, 1938 г.

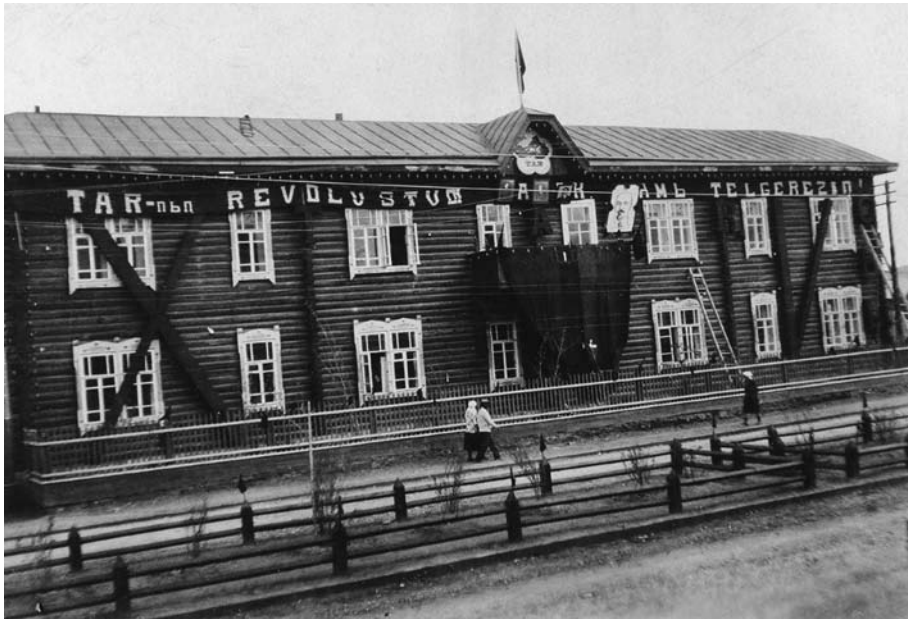
Демонстрация в Кызыле в 1943 г.

Улица в Чадане, 1930 г.

Дом русского купца на Хамсаре, 1930-е годы.

Здание Госбанка ТНР.

Здание электростанции, подаренное СССР Туве в 1925 г.

Участники ламского съезда, 1928 г.

Книжная ярмарка в Кызыле, 1936 г.

Политпросвещение народных масс, 1931 г.

Пограничники на тувинско-советской границе.

Работники советской торговли в Тувинской Народной Республике.

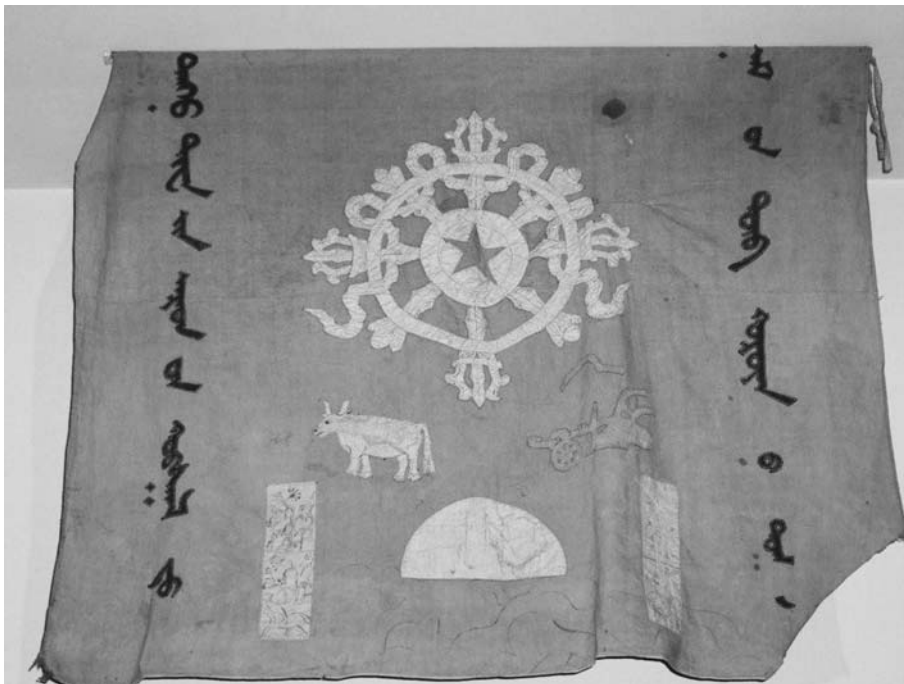
Здание Посольства СССР в Кызыле, 1923-1944 гг.

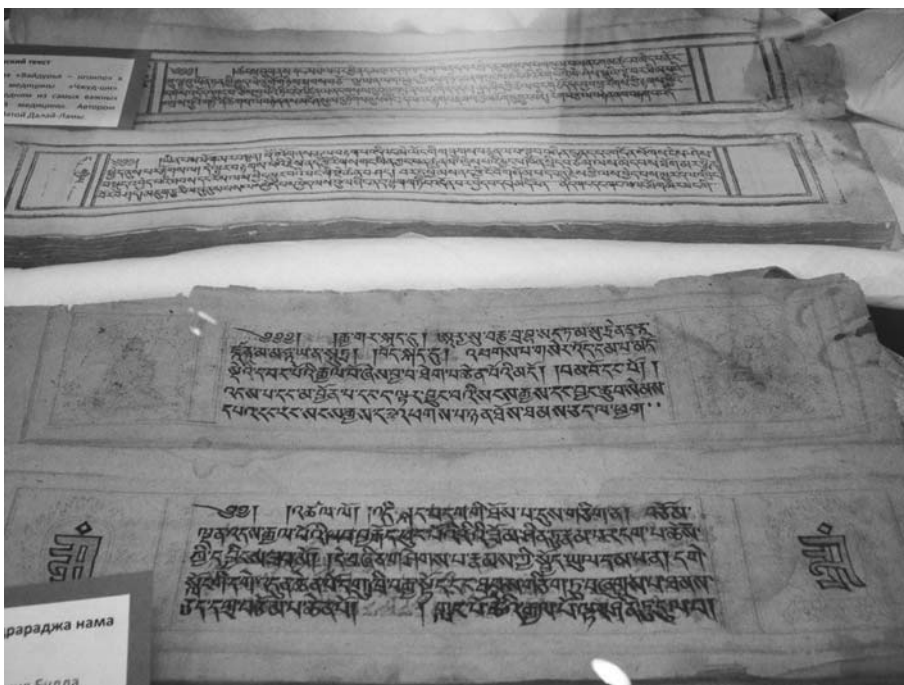
Здание Посольства Монголии в Кызыле, 1930-1944 гг.

Интерьер дома староверов. Музейный экспонат.

Первый флаг Тувинской Народной Республики.

Тибетские сутры, хранящиеся в фондах Национального музея.

Герб Тувы. Всадник, скачущий на Восток.

Идеологически переосмысленный герб. Всадник, скачущий на Запад, в сторону СССР.